

Научная статья
УДК 281.93:377.5«18/19»
DOI 10.37724/RSU.2021.71.2.003

Трансформация духовных семинарий в ходе модернизационных процессов второй половины XIX — начала XX века в аспекте социальной мобильности

Ольга Дмитриевна Попова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
od-popova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс трансформации духовных семинарий в эпоху Великих реформ Александра II как механизм социальной мобильности. Изучаются возможности детей духовенства получать образование в светских учебных заведениях. В ходе Великих реформ социальный статус приходского священника становится непривлекательным, растет престижность труда интеллигенции и потребность в инженерах, врачах, учителях. Анализ уставов духовных семинарий и университета показал, что политика правительства по данному вопросу менялась неоднократно и власть по причине недостатка лиц, желающих занять священнослужительские места, сдерживала процесс выхода детей духовенства из сословия. На основе анализа материалов отчетов различного уровня автор приходит к выводу, что, несмотря на попытки власти удержать воспитанников духовных семинарий в рамках духовного сословия, выход из семинарий не прекратился. В то же время необходимого притока из других сословий воспитанников в духовные семинарии не происходило. Насильственное насаждение монастырских порядков, согласно приведенным в статье документам, вызвало протест со стороны воспитанников и использовались революционными силами. В начале XX века семинаристы в качестве одного из требований выдвигали право поступать в университеты без экзаменов, расширить курс светских дисциплин. Однако осуществление социальной мобильности семинаристов в другие социальные слои, как показало наше исследование, было невозможно без комплексного решения экономических проблем России, а также необходимости повышения социального статуса духовенства.

Ключевые слова: модернизация, духовные семинарии, социальная мобильность, протестное движение, петиции, эпоха Великих реформ, уставы духовных семинарий.

Для цитирования: Попова О. Д. Трансформация духовных семинарий в ходе модернизационных процессов второй половины XIX — начала XX века в аспекте социальной мобильности // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 2 (71). С. 25–36. DOI: [10.37724/RSU.2021.71.2.003](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.71.2.003).

Original article

The Transformation of Ecclesiastical Seminaries against the Background of Educational Reforms of the Second Half of the 19th Century — Early 20th Century through the Prism of Social Mobility

Olga D. Popova

Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia,
od-popova@mail.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of ecclesiastical seminaries against the background of Alexander II's Great Reforms as a mechanism of social mobility. It investigates whether clergy children had opportunities to receive secular education. The Great Reforms witnessed a deterioration of parish priests' social status and an improvement in the social status and prestige of engineers, doctors, teachers and other representatives of the Russian intelligentsia. The analysis of charters of ecclesiastical seminaries shows that the government used different policies to influence the situation. Facing the scarcity of novice priests, the government employed suppression mechanisms to hinder the transition of clergy children to other social strata. The analysis of various reports and other documents enables the author to conclude that despite desperate attempts to hinder the transition of clergy children to other social strata, the government failed to persuade clergy children to study in seminaries. People from other

social strata did not enter seminaries either. The enforcement of claustral rules resulted in students' protests, which were embraced by revolutionary forces. In the early 20th century, seminarists demanded that they should be given more secular subjects and that they should be granted an opportunity to enter a university of their choice without entrance examinations. However, according to the research, seminarists' social mobility was unfeasible without a complex solution of economic problems and the improvement of the social status of clergy.

Keywords: modernization, ecclesiastical seminaries, social mobility, protests, petitions, the Great Reforms, charters of ecclesiastical seminaries.

For citation: Popova O. D. The Transformation of Ecclesiastical Seminaries against the Background of Educational Reforms of the Second Half of the 19th Century — Early 20th Century through the Prism of Social Mobility. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2021;2 (71):25–36. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.71.2.003.

Эпоха Великих реформ вошла в историю как эпоха коренных преобразований российского общества. Ее величие и значимость состоят не только в том, что одновременно в стране реформировалось сразу несколько сторон российской жизни, но и в том, что их всех объединяло стремление преодолеть закрытый характер российского общества, сословную замкнутость. Нельзя не согласиться с утверждением Б. Н. Миронова, что крепостное право распространялось на все социальные слои российского общества: «В России в начале XVIII в. свободным человеком был только царь, а все остальные были в той или иной степени закрепощены» [Миронов, 2003, с. 370]. В эпоху Николая I предпринимались попытки перекрыть все возможности перехода из одного сословия в другое, эпоха же Великих реформ начала ломать сословные рамки. Важной чертой гражданского общества является право граждан по своему усмотрению выбирать свой жизненный путь независимо от происхождения. Существенную роль играют каналы социальной мобильности и возможности перехода из одного социального слоя в другой, что важно как для отдельного человека, поскольку позволяет осуществлять свою собственную самореализацию, так и для общества в целом, заинтересованного в людях, наиболее полно реализующих свое призвание и способности.

Принципы всесословности и начала гражданского общества прослеживались во всех преобразованиях эпохи Великих реформ: земства и городские Думы выбирались на основе имущественного ценза, судебная реформа провозглашала единый и всесословный суд, происхождение перестало быть препятствием для получения образования, гражданские начала подчеркивала и всеобщая воинская повинность. Фактически реформы 1860–1870-х годов послужили основой для дальнейших модернизационных процессов начала XX века. Поэтому историю учебных заведений в России очень важно рассматривать не только со стороны анализа трансформации учебного курса и системы воспитания, но и с точки зрения их доступности для различных сословий как социального лифта. Представляется необходимым рассмотреть данный процесс на примере духовных семинарий, которые во второй половине XIX — начале XX века в полной мере испытали на себе все политические коллизии того времени. В дореформенную эпоху духовные семинарии были учебными заведениями, которые предназначались для детей духовного сословия и готовили своих воспитанников к будущей пастырской службе. Уже в этом факте отражалась противоречивость положения духовного сословия в российском обществе: с одной стороны, вслед за дворянством оно обязано было давать своим детям образование, однако социальный статус, сложность службы и материальное положение делали это образование далеко не престижным, вызвали негативное отношение населения как к сословию в целом, так и непосредственно к воспитанникам духовно-учебных заведений. Места в приходе передавались по наследству и закреплялись за старшими сыновьями.

С детства воспитанники семинарий ощущали на себе негативное отношение со стороны детей других сословий. Авторы некоторых воспоминаний, описывая свои годы, проведенные в стенах духовного училища или духовной семинарии, отмечают, что обыденным делом было противостояние с городскими мальчиками. В частности, воспитанник Орловского духовного училища Г. К. Сорокин вспоминал, что за учащимися духовного училища прочно закрепилось прозвище «кутейники», встреча с мещанскими мальчишками сопровождалась перебранкой, нередко переходившей в драку [ОР РНБ. Ф. 725. Оп. 1. Л. 3]. Традиционная русская забава — кулачные бои — также нередко проходила по сословному принципу: бились городские мальчики с духовными. Владимир Яхонтов, воспитанник Долматовского духовного училища, а затем Пермской духовной семинарии, отмечал, что иногда это противостояние перерастало в очень жестокие драки [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 305].

Семинарист в общественном сознании был фигурой, вызывающей насмешку и жалость, поскольку его материальное положение было незавидным. Денег на содержание духовно-учебных заведений катастрофически не хватало, да и начальство не стремилось их изыскивать, а руководствовалось представлением о том, что дети сельских священников должны стать сельскими пастырями и, следовательно, не следует приучать их к роскошной городской жизни.

Сюжет о холодном и голодном детстве в стенах семинарии — типичный для большинства относящихся к середине XIX века мемуаров выходцев из духовной школы. Практически все авторы пишут еще и об антисанитарных условиях жизни.

В частности, В. Я. Крюковский, повествуя о своей учебе в Тамбовской духовной семинарии, отмечает, что большинство семинаристов предпочитало жить на квартирах, на общежитие, или, как его называли, «бурса», соглашались только в крайнем случае от большой нужды. «Посидеть с товарищем бурсаком на его постели значило набраться отвратительных насекомых или заразиться чесоткой. Кормили бурсаков отвратительно. Щи из тухлой капусты с скверным маслом, каша да хлеб, отзывающийся нередко чем-то затхлым и прелым», — так В. Я. Крюковский описывает условия жизни в Тамбовской семинарии [Крюковский, 1910, с. 28]. Ради справедливости следует отметить, что жизнь детей в дворянских пансионах в середине века также не отличалась сытостью и теплом, но все же санитарные условия были значительно лучше, а питание хоть и было скудным, но приготовленным из более качественных продуктов.

Завершение учебы в семинарии и поступление на место службы означало весьма трудное в материальном отношении существование и порой негативное отношение паствы. Как известно, российское духовенство жило за счет плат за требы, которые собирали с населения. В бедных приходах духовные наставники порой едва сводили концы с концами, сами пахали землю, осваивали ремесла. Поэтому неслучайно многие семинаристы и уже принявшие рукоположение священнослужители искали пути изменить свою жизнь и иные варианты самореализации. Воспитанник Полтавской семинарии очень точно передавал свои раздумья над письмом своего товарища, в котором «с удивительной откровенностью и смелостью говорилось о страшной нищете духовенства, об униженном и обиженном положении отцов, о неизмеримо лучшем положении прочих сословий и о полной возможности детям духовенства идти по другой дороге, по которой-де иные уже и пошли» [Борзаковский, 1900, с. 4]. А вот пойти по этой другой дороге было не так просто. Даже возможность поступить в академию для лучших выпускников семинарии не означала больших жизненных перспектив и не выглядела привлекательной. Поступление же в светские высшие учебные заведения в дореформенную эпоху было сопряжено с большими трудностями.

Наступившая эпоха Великих реформ имела большое значение для духовного сословия. В 1867 году (14 мая) принимается новый Устав православных семинарий, который хотя и провозглашал цель духовных семинарий — готовить юношество к служению православной церкви, одновременно содержал и ряд принципиально новых положений, значительно менявших жизненные стратегии их воспитанников. В частности, согласно Уставу, в семинарию могли поступать выходцы из всех сословий [Высочайше утвержденный ... , 1867, п. 6]. Кроме того, для изучения непосредственно богословских предметов допускался прием в 5-й и 6-й классы лиц, окончивших какой-либо курс в других учебных заведениях (п. 122). Таким образом, путь пастырского служения оказался открытым для лиц всех сословий. В учебном курсе семинарии был расширен курс общеобразовательных предметов, он был приближен к гимназическому, в частности предусматривалось преподавание классических и новых языков, математических дисциплин и начала физики, русской истории и литературы, а богословские дисциплины были сосредоточены в последних 5-х и 6-х классах. Устав университета 1863 года (18 июня) в свою очередь провозглашал право поступать в университет выпускников «средних учебных заведений разных ведомств, с успехом окончивших общий курс учения в них, если сей последний признан будет со стороны министерства народного просвещения соответствующим курсу гимназическому» [Там же, п. 86]. Таким образом, окончание 4-х классов в семинарии открывало дорогу семинаристам в университеты. Преобразование семинарий осуществлялось не одномоментно, а после того как ревизия Учебного комитета убеждалась, что учебное заведение осуществляет свою деятельность в соответствии с требованиями нового Устава. Из семинарий начался массовый отток лучших учеников. В этом плане очень интересны воспоминания ученика Полтавской духовной семинарии П. К. Борзаковского, который очень ярко описывает, какой ментальный слом переживали не только сами семинаристы, но и преподаватели и их родители: семинаристы бредили мечтой поступить в университет, а для руководства Полтавской семинарии уход в один год 26 лучших воспитанников вызвал недоумение, а еще в большей степени испытали растерянность родители, которые, с одной стороны, переживали волнение и тревогу за судьбу своих детей, решивших свернуть с

традиционной дороги, с другой стороны, тяжело было услышать укор от соседей за плохое воспитание отрока, который, покинув стены семинарии, дал дурной пример другим ученикам: «Как уже: и наш туда же!.. На что уж был такой покорный, смиренный, а теперь услышал про вашего — так куда! До семинарии еще не дошел, а вижу уже не будет добра... Покорнейше благодарю...» [Борзаковский, 1900, с. 46].

В общественно-политической мысли стремительный уход семинаристов из духовно-учебных заведений был очень метко обозначен как «бегство семинаристов» [Елисеев, 1876]. В 1875 году 53 % всех поступивших в университеты составили гимназисты и 46 % семинаристы [Адамов, 2010, с. 108].

Однако возможность покинуть семинарию и поступить в светское учебное заведение оказалась очень непродолжительной: в 1879 году Министерство просвещения потребовало от семинаристов сдавать экзамены за весь гимназический курс, а Устав 1884 года опять провозгласил, что духовная семинария — это учебное заведение, готовившее священнослужителей, и запретил семинаристам поступать в светские учебные заведения [Свод уставов ... , 1908, с. 90]. Таким образом, возможность семинаристам поступления в высшие учебные заведения становится одной из самых больших тем в дискуссиях о судьбах духовной школы и одной из причин роста протестного движения семинаристов.

В конце XIX века в духовных семинариях большинство обучающихся на желали связывать свое будущее с пастырским служением, при этом начальство семинарии строго следило за монастырскими порядками, за соблюдением христианских обязанностей и карало за любое проявление интереса к светским развлечениям: театру, литературе. Во многих семинариях под запретом было даже посещение городских библиотек.

Ситуация усугублялась и еще одной стороной проблемы: преподавательский состав в силу закрытого социального статуса духовенства пополнялся за счет людей, не способных к данному служению, особенно это касалось инспекторов и ректоров духовных семинарий. На инспекторов, согласно Уставу, ложилась основная воспитательная роль в семинарии, а назначались на эти должности нередко монахи, что часто проявлялось как еще одна сторона сословной замкнутости духовенства. По канонам православия для выпускника семинарии сделать карьеру с достижением определенного материального достатка было сопряжено с обязательным принятием монашеского пострига. Женитьба означала выбор участи приходского священника, полной материальных лишений. Многие становились монахами не по внутреннему убеждению, а либо из-за карьерных устремлений, либо овдовевшие священнослужители, которые в силу канонов православия не могли жениться второй раз. Для многих таких монахов служба в духовных семинариях рассматривалась как послушание и как промежуточный этап в карьерной лестнице. Как отмечает митрополит Евлогий, именно из таких монахов получались самые одиозные руководители, строившие воспитательную систему на основе мелочного контроля [Евлогий, митр., 1994].

Не случайно в мемуарах семинаристов фигуры инспекторов-монахов вызывали самые негативные эмоции. Очень негативно писал о монахах в духовных семинариях Николай Смоленский в своих «Очерках современной бурсы»: «По большей части — это карьерист, будущий архиерей. Семинария для него не цель, а средство, одна из ступеней иерархической лестницы» [Смоленский, 1906, с. 21]. В воспоминаниях В. Яхонтова, воспитанника Пермской духовной семинарии, очень ярко изображен инспектор Потоцкий, получивший в семинарской среде прозвища Крыса и Хорек, поскольку все методы работы строились на мелочном контроле за поведением детей, выявлением нарушений дисциплины и полным нежеланием направить развлечение детей в нужное русло: «Первое отлично характеризовало его злобную хищность и кровожадность (хорек) давит все живое, что может, не из-за голода, как волк или тигр, а из-за злобности своей натуры. Второе характернее за несоответствующее величину зверька и вредность. Он был низкого роста с вечно оскаленными зубами и визгливым голосом, чем так же очень напоминал крысу» [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 107. Л. 392]. Само же начальство оценивало деятельность Потоцкого положительно и даже было готово представить к награде, недостатки же в его работе увидело только тогда, когда в семинарии в 1903 году возникли серьезные беспорядки: «Инспектор Потоцкий был человек весьма деятельной с твердым, настойчивым характером, но в то же время он черствый формалист, державшийся в деле воспитания преимущественно карательной системы, бывшей причиной отчуждения от него учеников и источником неприязни к нему» [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1904). Д. 44. Л. 41]. Не случайно одной из причин полосы беспорядков в духовных семинариях в начале XX века была именно политика руководства учебных заведений, воспитанники которых одним из первоочередных требований

выдвигали увольнение того или иного ректора или инспектора семинарии. Находились даже и такие представители преподавательской корпорации, которые настаивали на возвращении розг как системы поддержания дисциплины среди воспитанников. Например, в 1885 году из Кавказской епархии смотрителем Ставропольской семинарии было подано соображение, в котором он указывал на недостаточность существующих мер по укреплению дисциплины и предлагал ввести розги и употреблять их по решению училищного правления, обосновывая свое предложение следующим образом: «...главным побуждением для детей к избеганию проступков служит чувство страха, а когда оно ослабевает, является вольность и разнузданность» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1885). Д. 19. Л. 4 об.].

Такое семинарское начальство даже в самых порой невинных и творческих начинаниях обучающихся видело крамолу и нарушение дисциплины. В частности, В. Яхонтов в своих мемуарах, когда описывает обстоятельства своего исключения из духовной семинарии, отмечает, что инспектор Потоцкий как об одном из самых его серьезных проступков назвал увлечение светской литературой: «Он светские книги читал, да еще какие, самые крамольные журналы!» [ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 7. Л. 562]. Таким образом, для инспектора крамольным являлся факт чтения любой светской литературы.

Гнетущая атмосфера в семинарии влияла не только на воспитанников. Простые преподаватели, зажатые строгими нормами внутренней жизни, порой также являлись причиной роста протеста. Нередки случаи, когда представители учительской корпорации, не нашедшие себя в строгой схоластической системе, искали пути собственной реализации. В этом плане очень показательна характеристика, которую дал ревизор преподавателю гомилетики Полтавской духовной семинарии Богословскому в 1876 году: «...не без способностей и педагогического таланта, однако он очень занят побочными делами: у него книжный магазин, он гласный городской Думы. Он выучил только один учебник, преподает буквально по нему, ограничивая свое развитие» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1876). Д. 87. Л. 81].

Некоторые из преподавателей сами примыкали к прогрессивному лагерю, пытались приобщать воспитанников к чтению передовой литературы и даже разделяли революционные взгляды. Например, в Орле в 1905 году похороны одного из семинаристов, умершего от чахотки, превратились в демонстрацию с исполнением революционных песен. Среди подстрекателей к их исполнению оказался молодой преподаватель Михаил Васильевич Вадковский, племянник очень известного церковного деятеля митрополита С-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского). После похорон молодой человек скрылся из города. Очень характерны его слова о своей судьбе: «Чем больше я постигал семинарскую схоластику, тем противнее мне она становилась, ибо запутывала ум в противоречиях и, благодаря своей бесплодности, не могла удовлетворить запросам ума живого и любознательного. Я чувствовал тяготение к университету (естественному факультету) и лишь по настоянию родных, скрепя сердце, соглашался, по мягкости своего характера, идти в духовную академию. Родным очень хотелось, чтобы я попал в петербургскую духовную академию...» [Вадковский, 1916, с. 205]. Далее, как следует из его воспоминаний, М. В. Вадковский учился в нескольких европейских университетах, слушал лекции в лучших европейских университетах, в октябре 1910 года получил диплом доктора философии Йенского университета. Безусловно, на прямое противостояние шли лишь единичные преподаватели, однако в документах нередко встречаются сведения о членах преподавательской корпорации, принадлежавших к либеральному лагерю. В Костромской семинарии в конце XIX века учитель математики Аристов был замечен в деятельности, в «политическом отношении весьма неблагоприятной, и скрытно вел учеников в этом же направлении, собирая их к себе для бесед по ночам» [РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1883). Д. 15. Л. 42 об.]. Таким образом искусственное сдерживание в рамках одного сословия лиц, совершенно к этому не расположенных, начинало разрушать духовную семинарию как со стороны учеников, так и со стороны преподавателей.

Одновременно следует отметить, что прихода в массовом количестве учеников из других сословий, желающих посвятить себя пастырскому служению и быть готовыми подчиниться предлагаемой семинарской дисциплине, не произошло. То, что духовное начальство очень ревностно относилось к этому вопросу, свидетельствует тот факт, что соотношение духовных и иносословных в конце XIX века становится обязательной строкой отчета в духовных семинариях, в ходе ревизии учебного заведения и в итоговом отчете по ведомству православного исповедания. В частности, согласно отчету за 1886 год по ведомству православного исповедания, с момента начала преобразований семинарий по уставу 1867 до 1886 года в семинариях обучалось 3408 иносословных воспитанников, что составило 1/80 часть от общего количества всех воспитанников. По происхождению обучавшиеся в семинариях иносословные были из детей чиновников, мещан и

крестьян [Всеподданнейший отчет ... , 1888, с. 162–163]. В 1902–1903 годах из 19 845 учащихся количество иносословных составило 3805 учеников, а в 1903–1904 годах их количество возросло до 4253 человек из общего числа воспитанников 19 845 [Всеподданнейший отчет ... , 1909, с. 213]. Однако такой рост не радовал начальство. Более того, господин обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев именно на иносословных пытался возложить вину за рост беспорядков. В резолюции на донесении по поводу волнений учеников Орловской духовной семинарии он написал: «Иносословные — зло, а принимаются без разбора» [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1903). Д. 62. Л. 83]. В 1901 году вводится ограничение приема иносословных не более 10 % от общего количества обучающихся.

В отчетах ревизоров обязательными пунктами стали анализ состава учащихся и их динамика. Так, например, ревизор, проводивший проверку Смоленской духовной семинарии в 1904 году, отмечал, что количество иносословных в семинарии начало уменьшаться: в 1901–1902 годах их было 18 %, то 1902–1904 годах стало 15 %, при этом ревизор с удовлетворением отмечал, что в целом количество воспитанников в семинарии возросло, «что вызывается потребностью епархии» [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1904). Д. 44. Л. 14 об.].

Одновременно начальство начинает собирать сведения о причинах ухода воспитанников из семинарии и об их выборе дальнейшего своего жизненного пути. Вначале эти данные появляются в отчетах более низового уровня — отчетах ревизоров. Например, в отчете ревизии Рязанской духовной семинарии за 1901 год отмечалось, что в 1899–1900 учебный год из семинарии было уволено 58 человек, при этом 11 человек ушли «по прошению» в силу нехватки средств или же для продолжения образования в светских учебных заведениях. При этом ревизор указывал, что в заявлениях указывалось лишь об устном согласии родителей, письменного согласия родителей к этим заявлениям приложено не было [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1901). Д. 66. Л. 8].

В 1904 году проводивший ревизию Смоленской духовной семинарии чиновник докладывал, что за последние пять лет из 201 воспитанника, окончивших семинарию, 50 поступили в светские учебные заведения, в то время как в духовные академии — лишь 12 человек, а на священнослужительские места лишь 1/3 из оставшегося количества выпускников [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1904). Д. 44. Л. 14 об.].

Если в середине XIX века, как отмечалось выше, родители воспитанников с трудом принимали стремление своих детей получить светское образование, то в начале XX века в делопроизводстве учебных заведений начинают появляться заявления с просьбой исключить их сына из семинарии по причине желания дать своему ребенку светское образование. В частности, с таким заявлением в 1904 году в правление Смоленской духовной семинарии обратился священник Лев Замеский [ГАСО. Л. 34]. Все это говорит о том, что и на уровне руководства семинарий, и на уровне родителей «бегство» детей из духовного сословия стало восприниматься как обыденный факт, а патриархальные нормы получения родительского благословения также утратили свою силу.

Сведения об окончивших духовные семинарии начали фиксироваться также и в отчетах на высшем уровне по ведомству православного исповедания. В отчете за 1908–1909 годы впервые появляется новый раздел — «Об окончивших курс духовных семинарий», в котором сообщалось, что из всех окончивших курс в духовном ведомстве остались только 47 %, в духовные академии для продолжения образования поступили 8,2 %, оставили духовное ведомство 35 %, в высшие светские учебные заведения поступили 21,6 %, на учительские должности в школы, не состоящие в ведомстве Святейшего Синода, — 10,8 % [Всеподданнейший отчет ... , 1911, с. 465]. Еще одна характерная черта отчетов по ведомству православного исповедания за этот период — появление сведений о дополнительных уроках по приобретению различных ремесленных навыков. В тексте отчетов введение этих занятий заявлялось как способ «отвлечения воспитанников от всякого рода непотребных поступков», на практике же таким образом начальство стремилось обеспечить получение таким образом дополнительных заработков к скудным доходам духовенства. Например, в ряде семинарий воспитанники занимались переплетным ремеслом, столярным ремеслом, в Орловской духовной семинарии имели возможность осваивать премудрости пчеловодства на оборудованной пасеке [Там же, с. 457]. Однако несмотря на всяческие препятствия, введение карательных мер и мер по расширению семинарского курса, дети духовенства упорно стремились найти себя вне сословия и предпринимали все усилия к получению высшего образования в стенах университетов.

В начале века эта проблема становится одной из ключевых в истории развития духовной школы. Можно предположить, что данный вопрос умело использовался в раскачивании хрупкой лодки семинарского спокойствия оппозиционными силами. Первые годы начала XX века были

отмечены массовыми беспорядками и петициями с требованием реформы духовной школы. Среди главных требований было желание вернуться к идеям Устава 1867 года. В частности, витебские семинаристы третьим пунктом своей петиции высказывали следующее пожелание: «Ходатайствовать о скорейшем пересмотре семинарского устава по выделению 2-х старших классов в специальные, с правом поступления во все высшие учебные заведения выпускников 4-х общеобразовательных классов» [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1905). Д. 68. Л. 13].

В ходе обсуждения проблем Русской православной церкви в период Первой русской революции некоторые иерархи Церкви вставали на сторону своих воспитанников. В частности, преосвященный Арсений, архиепископ Харьковский, выступал за преобразование духовных училищ в общеобразовательные училища с семилетним курсом применительно к гражданским средним учебным заведениям — гимназиям, а семинарии — в специально-богословские училища с трехлетним курсом. Оба типа учебных заведений он предлагал сохранить в ведомстве Святейшего Синода, тем самым гарантировав детям духовенства право на получение образования. Одновременно считал необходимым признать право детей духовенства поступать куда угодно, в том числе и в светские учебные заведения. При этом он предлагал сохранить расширенный курс богословских дисциплин в рамках духовных училищ с тем расчетом, что именно духовные училища будут давать наибольший контингент поступающих в духовные семинарии [Отзывы ... , 2004, с. 54]. В своих аргументах он руководствовался интересами не детей, а необходимостью преодоления недостатков существующей школы: «...богословское обучение смешано с общеобразовательным, отсюда крайняя недостаточность общего образования и несконцентрированность, разбросанность богословского обучения, не приспособленного к известному развитию и возрасту учащихся» [Там же, с. 53].

Прошедшие в начале XX века беспорядки среди семинаристов заставляли руководство семинарий держать под контролем проблемы содержания и взаимоотношений между преподавателями и воспитанниками. Циркулярным указом Святейшего Синода от 18 мая 1902 года за № 4 предписывалось особое внимание обращать на питание и порядок в помещениях воспитанников [РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 196. Л. 4]. Однако основная проблема решена не была. Определением Святейшего Синода от 31 августа 1907 года за № 5379 разъяснялось, что духовная школа имеет не две задачи а) готовить юношество к служению православной церкви и б) готовить юношество к поступлению в светские высшие учебные заведения, а выполняет только одну — готовить служителей церкви [Там же, л. 7].

В 1908 году новая начавшаяся волна беспорядков проходила под знаком борьбы за право поступать в университеты без дополнительных экзаменов. В петиции тульских семинаристов говорилось: «Наше начальство... сделало решительный шаг в том направлении, чтобы двери университета были для нас закрыты, другими словами говоря: оно стремится лишить нас того, что для каждого из нас было заветной мечтой» [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908). Д. 220. Л. 6]. В этой прокламации содержался призыв обращаться с петициями в Государственную думу.

Тот факт, что тульская прокламация была обнаружена у семинаристов в Тифлисе, Киеве, Одессе позволяет выдвинуть предположение об организованном характере этой волны. Хотя само руководство этих семинарий пыталось убедить свое начальство, что основная масса семинаристов спокойно продолжает учиться и не поддается на провокации и распространение возмутительных сочинений — это дело отдельных случайных лиц, которые к семинарии не имеют никакого отношения. Безусловно, даже если и согласиться с тем, что листовки распространяли внешние силы, то в любом случае очень примечателен факт использования данной проблемы как механизма подстрекательства. Провокаторы очень хорошо понимали болезненность данного вопроса в среде семинаристов. В 1910 году прошла еще одна волна беспорядков. Из 57 духовных семинарий волнения произошли в 11. В большинстве поданных петиций на первом месте стояло требование разрешить свободный доступ в университеты после 4-го класса семинарии [РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 196. Л. 14–20].

Нельзя сказать, что Учебный комитет Святейшего Синода игнорировал проблему и не обсуждал ее. Министр народного просвещения 6 октября 1905 года обратился к обер-прокурору с письмом, в котором выражал пожелание восстановить для семинаристов условия, дающие возможность более свободного поступления в университеты. После отставки К. П. Победоносцева его преемник князь А. Д. Оболенский выступил за расширение прав выпускников и даже за то, чтобы возможность поступить в университет получили семинаристы, закончившие курс не только по первому разряду, но и по второму. Однако вся проблема данного диалога состояла в том, что обе стороны по-разному понимали условия, на которых они готовы создать эту возможность. Сторона

Министерства народного просвещения была готова принимать семинаристов либо по дополнительным экзаменам, либо при условии выравнивая программ по гимназическому курсу. При этом попечители учебных округов уже не настаивали на сдаче в университет всех 16 экзаменов за гимназический курс, как в свое время пришлось сдавать известному историку В. О. Ключевскому. Например, попечитель Харьковского учебного округа предлагал установить дополнительные экзамены только для желающих поступить на физико-математический факультет по математике и физике, а попечитель Киевского округа настаивал на экзаменах по новым языкам [РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1905). Д. 67. Л. 12]. Само же Духовное ведомство в целом вообще настаивало на том, что курс современных семинарий дает не менее фундаментальную подготовку, чем гимназии, и вся разница лишь в количестве часов, хотя при этом курс обучения в семинарии более продолжителен, уроки длятся дольше, а изучаемые богословские предметы «имеют общеобразовательную ценность, в особенности для формального развития ума» [Там же, л. 14]. Например, на этом основании Учебный комитет настаивал, что в семинарии изучение истории в течение 9 уроков проходит так же, как и 13 уроков в гимназии. Более того, обер-прокурор выразил готовность расширить курс дисциплин по естествознанию. Однако государственные интересы оказывались выше: боязнь потерять кандидатов для пастырской службы привела к тому, что коренных преобразований не случилось и все эти дискуссии закончились ничем.

Произведенные преобразования в начале 1906/07 учебного года внесли лишь незначительные изменения в учебный курс духовных семинарий и училищ. Так, были перераспределены преподаваемые предметы, богословские дисциплины были сосредоточены в двух старших классах, сокращены уроки по древним языкам, введено обязательное изучение одного из новых языков, увеличены часы по литературе и математике, воспитанники вновь начали изучать тригонометрию и космографию. Были произведены некоторые преобразования в административной части, увеличены оклады преподавателям [Кл-н, 1907, с. 116]. Обер-прокурор П. П. Извольский в своем обращении к Учебному комитету в июне 1907 года разъяснял правлениям духовных семинарий, что основные задачи духовных семинарий остаются прежними и не следует ждать большего. Это положение было закреплено затем специальным определением Святейшего Синода. На страницах прессы появилось множество публикаций, которые выражали недоумение и разочарование. Зачем нужна была столь обширная работа, зачем нужно было запрашивать мнения правлений духовных семинарий, входить в переписку с ведомством народного просвещения, если их мнение никого не интересовало? «Камнем вместо хлеба» назвал такую реформу Вл. Успенский со страниц журнала «Век» [Успенский, 1907, с. 195]. Поэтому для общественной мысли начала XX века обсуждение проблем реформы духовной школы становится таким же постоянным, как и семинарские брожения и волнения.

Итак, проблема реформирования духовных семинарий тесно пересекалась с вопросом социальной мобильности. Процесс модернизации значительно расширил сферы применения интеллектуального труда, более привлекательными стали должности учителей, инженеров, врачей. Сыновьям духовенства было тесно в рамках духовного сословия, они искали реализации в других социальных ролях. Духовные семинарии дали в нашей истории целую плеяду замечательных имен, которые вышли из стен духовных семинарий и прославили себя на стезе гражданского ведомства: В. О. Ключевский, А. П. Щапов, И. А. Вышнеградский, И. П. Павлов, А. С. Попов, Н. Е. Введенский, Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский, Д. Н. Мамин-Сибиряк и многие другие. С одной стороны, такое количество имен вроде бы позволяет заявить об отсутствии проблемы и признать духовные семинарии как действующий социальный лифт. Однако, с другой стороны, всем им приходилось преодолевать сложные экономические и социальные препятствия. Одним из них приходилось сдать 16 вступительных экзаменов, как это пришлось делать В. О. Ключевскому, другим преодолевать социальные и ментальные преграды, как это пришлось делать И. П. Павлову, — порвать вековые традиции тоже было непросто. При этом нерешенность данной проблемы приводила к тому, что часть семинаристов, не найдя интеллектуального удовлетворения в стенах семинарии, искала его на стороне и оказывалась в рядах оппозиционных сил. Наиболее известными из них стали И. В. Сталин и А. И. Микоян, вошедшие в состав советского правительства. Безусловно, эпоха Великих реформ сделала большие шаги к слому замкнутых, жестких рамок духовного сословия, оно стало более открытым, но в целом проблема решена не была. Выход детей духовенства по-прежнему сопровождался различными трудностями, а пополнению духовного сословия препятствовали экономические факторы.

История духовно-учебных заведений демонстрирует, насколько сложным и противоречивым был ход модернизации, а слом сословных границ затрагивал множество сторон российской жизни. С одной стороны, ломка сословных границ была важным условием для

успешной модернизации, с другой стороны, развитие сословной мобильности и успешное формирование социальных лифтов не может происходить без преодоления экономической отсталости.

Нерешенность проблем духовного образования и упорное стремление начальства сохранить замкнутость сословия упирались в другую сложную проблему — материальное положение приходского духовенства. Этот вопрос также активно обсуждался как на страницах прессы, так и в обращениях в Государственную думу. Однако он не находил решения из-за сложных материальных проблем общества. Государство не решалось ввести гарантированные должностные оклады приходскому духовенству. Таким образом, процесс, заданный эпохой Великих реформ, был возможен при комплексном решении проблем.

Преимники Александра II пытались активно модернизировать экономическую сферу, при этом консервируя социальную структуру общества и сохраняя ее в тесных рамках сословной замкнутости. Все это явилось тем механизмом, который постепенно раскачивал протестное движение в стране. Проблемы духовных семинарий активно использовали оппозиционные силы, и страна скатывалась в революционную пучину.

Список источников

1. Адамов М. А. Становление и развитие духовных семинарий Русской православной церкви XVIII — начала XX века // [Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология.](#) — 2010. — Т. 7, № 14. — С. 103–110.
2. Борзаковский П. К. В начале реформы бursы: (Из моих воспоминаний). — Киев : Типолитограф. Имп. ун-та, 1900. — 25 с.
3. Вадковский М. В. Мои воспоминания о митрополите Антонии [Александре Васильевиче Вадковском, 1846–1912] // Исторический вестник. — 1916. — Т. 143, № 1. — С. 195–220.
4. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1886 год. — СПб., 1888. — 129 с.
5. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. — СПб., 1909. — 149 с.
6. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. — СПб., 1911. — 266 с.
7. Высочайше утвержденный Общий устав императорских российских университетов // Полн. собр. законов Российской империи. — Собр. 2. — Т. 38, № 39752. — СПб, 1863.
8. Высочайше утвержденный Устав православных семинарий. 1867 год // Полн. собр. законов Российской империи. — Собр. 2. — Т. 42, № 44571. — СПб., 1867.
9. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). — Ф. 49. — Оп. 1. — Д. 71.
10. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания ... — М., 1994. — 622 с.
11. Елисеев Т. З. Бегство семинаристов. — СПб., 1876. — 30 с.
12. Кл-н С. Устав духовно-учебных заведений 1884 года и его новейшая реконструкция // Русская школа. — 1907. — № 1. — С. 116.
13. Крюковский В. Я. Около бursы. Воспоминания о духовной школе 60-х годов в связи с очерком быта тогдашнего сельского духовенства. — СПб., 1910. — 61 с.
14. Миронов Б. Н. Социальная история России. — 3-е изд. — Т. 1. — СПб., 2003. — 587 с.
15. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). — Ф. 725. — Оп. 1. — Д. 3 ; Ф. 1000. — Оп. 7. — Д. 107.
16. Отзывы епархиальных архиереев по вопросам о церковной реформе. — Ч. 1. — М., 2004.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 802. — Оп. 9 (1876). — Д. 87 ; Ф. 802. — Оп. 9 (1883). — Д. 15 ; Ф. 802. — Оп. 9 (1885). — Д. 19 ; Ф. 802. — Оп. 10 (1901). — Д. 66 ; Ф. 802. — Оп. 10 (1903). — Д. 62 ; Ф. 802. — Оп. 10 (1904). — Д. 44 ; Ф. 802. — Оп. 10 (1905). — Д. 67, 68 ; Ф. 802. — Оп. 16. — Д. 196 ; Ф. 802. — Оп. 10 (1908). — Д. 220.
18. Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий. 1808–1814, 1862, 1867, 1884, 1896. — СПб., 1908. — 406 с.
19. Смоленский Н. Очерки современной бursы. Картины, типы и типики. — М. : Демократ, 1906. — 67 с.
20. Успенский В. Камень вместо хлеба // Век. — 1907. — № 15. — С. 195.

References

1. Adamov M. A. The Formation and Development of Ecclesiastical Seminaries of the Russian Orthodox Church in the 18th — Early 20th Centuries. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta.*

- Seriya: Istorija. Politologija* [Research Journal of Belgorod State University. History. Political Studies series]. 2010, vol. 7, no. 14, pp. 103–110. (In Russian).
2. Borzakovskij P. K. *V nachale reformy bursy: (Iz moih vospominanij)* [The Beginnings of Seminary Reforms (My Memoirs)]. Kiev, Imperial University Publ., 1900, 25 p. (In Russian).
 3. Vadkovskij M. V. My Memoirs about Metropolitan Anthony (Alexander Vasilyevich Vadkovsky, 1846–1912). *Istoricheskij vestnik* [Historical Bulletin]. 1916, vol. 143, no. 1, pp. 195–220. (In Russian).
 4. *Vsepoddannejšij otchet ober-prokurora Svjatejšhego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedanija za 1886 god* [Most Submissive Report of Chief Prosecutor of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church, 1886]. St. Petersburg, 1888, 129 p. (In Russian).
 5. *Vsepoddannejšij otchet ober-prokurora Svjatejšhego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedanija za 1903–1904 gody* [Most Submissive Report of Chief Prosecutor of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church, 1903–1904]. St. Petersburg, 1909, 149 p. (In Russian).
 6. *Vsepoddannejšij otchet ober-prokurora Svjatejšhego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedanija za 1908–1909 gody* [Most Submissive Report of Chief Prosecutor of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church, 1908–1909]. St. Petersburg, 1911, 266 p. (In Russian).
 7. Supreme Approved General Charter of Imperial Russian Universities. *Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj imperii* [Complete Collection of Legislation of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1863, collection 2, vol. 38, no. 39752. (In Russian).
 8. Supreme Approved Charter of Orthodox Seminaries. 1867 god. *Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj imperii* [Complete Collection of Legislation of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1867, collection 2, vol. 42, no. 44571. (In Russian).
 9. *Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO)* [State Archive of the Smolensk Region (SASR)]. F. 49, Op. 1, D. 71. (In Russian).
 10. Evlogij (Georgievskij), Metropolitan. *Put' moej zhizni. Vospominanija* [My Life. Memoirs]. Moscow, 1994, 622 p. (In Russian).
 11. Eliseev T. Z. *Begstvo seminaristov* [Fleeing Seminarians]. St. Petersburg, 1876, 30 p. (In Russian).
 12. Kl-n S. The Charter of Religious School in 1884 and its Modern Reconstruction. *Russkaja shkola* [Russian School]. 1907, no. 1, pp. 116. (In Russian).
 13. Krjukovskij V. Ja. *Okolo bursy. Vospominanija o duhovnoj shkole 60-h godov v svjazi s očerkom byta togdashnego sel'skogo duhovenstva* [Religious School. Memoirs about a Religious School of the 1860s and the Description of the then Everyday Rural Parish Life]. St. Petersburg, 1910, 61 p. (In Russian).
 14. Mironov B. N. *Social'naja istorija Rossii* [Social History of Russia]. St. Petersburg, 2003, vol. 1, 587 p. (In Russian).
 15. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki (OR RNB)* [The Manuscripts Department of Russian National Library (MD RNL)]. F. 725, Op. 1, D. 3 ; F. 1000, Op. 7, D. 107. (In Russian).
 16. *Otzyvy eparhial'nyh arhiereev po voprosam o cerkovnoj reforme* [Diocesan Bishops' Reports on Church Reform]. Moscow, 2004, part 1. (In Russian).
 17. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 802, Op. 9 (1876), D. 87 ; F. 802, Op. 9 (1883), D. 15 ; F. 802, Op. 9 (1885), D. 19 ; F. 802, Op. 10 (1901), D. 66 ; F. 802, Op. 10 (1903), D. 62 ; F. 802, Op. 10 (1904), D. 44 ; F. 802, Op. 10 (1905), D. 67, 68 ; F. 802, Op. 16, D. 196 ; F. 802, Op. 10 (1908), D. 220. (In Russian).
 18. *Svod ustavov i proektov ustavov duhovnyh seminarij 1808–1814, 1862, 1867, 1884, 1896* [A Collection of Charters of Ecclesiastical Seminaries of 1808–1814, 1862, 1867, 1884, 1896]. St. Petersburg, 1908, 406 p. (In Russian).
 19. Smolenskij N. *Očerki sovremennoj bursy. Kartiny, tipy i tipiki* [Notes on Modern Religious Schools: Pictures, Types, Characters]. Moscow, Democrat Publ., 1906, 67 p. (In Russian).
 20. Uspenskij V. Stone instead of Bread. *Vek* [Epoch]. 1907, no. 15, pp. 195. (In Russian).

Информация об авторе

Попова Ольга Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения, кафедры социологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: Александровская модернизация, история духовного сословия, общественное сознание, история модернизаций в России.

Information about the author

Popova Olga Dmitriyevna — Doctor of History, Professor in the Department of History, Historiography and Source Studies and in the Department of Sociology at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: Alexander II' reforms, history of the clergy, social consciousness, history of Russian reforms.

Статья поступила в редакцию 30.01.2021; одобрена после рецензирования 15.02.2021; принята к публикации 21.02.2021.

The article was submitted 30.01.2021; approved after reviewing 15.02.2021; accepted for publication 21.02.2021.